

УДК 81'38
ББК 81.2-5

Г.Ф. Гаврилова

**МНОГОЗНАЧНОСТЬ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ И ИХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
М. ШОЛОХОВА**

Рассматриваются многозначность и полифункциональность вопросительных предложений и реализация их стилистических особенностей в диалогах произведений М. Шолохова с учётом их текстовой и подтекстовой семантики, а также разнообразных коннотаций. Показана роль в этом вводных слов и частиц.

Ключевые слова: коннотации, обратный смысл, переносное значение, семантическая структура предложения, многозначность, стилистический эффект, контекст.

Гаврилова Галина Фёдоровна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 240-82-09

Как отмечает Анна А. Зализняк, «сейчас можно с уверенностью сказать, что одной из составляющих происшедшей в последние 20 лет смены парадигмы является перенос центра тяжести с семантической теории синонимии, бывшей в 60 – 70-е гг. базовой категорией семантики, на полисемию. Заметим, что здесь важно изменение именно методологической установки, общего взгляда на феномен языкового знания.» [Зализняк, с. 16].

Думается, что исследование реализации в речи синтаксических многозначных конструкций не менее важно, чем изучение лексической многозначности. Особенно интересно проследить их семантико-стилистические особенности в языке такого всемирно известного автора, как Михаил Александрович Шолохов, который часто употребляет многозначные синтаксические конструкции в их переносном значении, обычно преследуя художественные цели – как можно ярче представить читателю образ своего героя, в частности через его речевые характеристики. Такие предложения выполняют чрезвычайно важную экспрессивную функцию, апеллируя к эмоциям читателя, деавтоматизируя восприятие им художественного образа персонажа, делая его незабываемым.

М. Шолохов, мастер художественного диалога, наряду с другими экспрессивными средствами языка, широко использует в нём вопросительные многозначные конструкции, но чаще не в своём прямом, а в переносном значении побудительных или повествовательных предложений.

При этом вопросительные предложения нередко в диалоге сопровождаются вводными словами, частицами, дополняющими семантику синтаксической конструкции коннотациями или придающие ей обратный смысл.

Автор оптимально использует заложенную в языке многозначность вопросительных конструкций, а также взаимодействие и взаимоусиление экспрессивных средств языка при выполнении ими определённой прагматической функции.

Шолохов, художник, обладающий тонким лингвистическим чутьём, прекрасно понимал, что вопросительные предложения содержат не только семантику поиска информации, но и определённый элемент знания о каких-то сторонах этой информации, свойственной повествовательным, утвердительным или отрицательным высказываниям, а также элементы семантики побуждения собеседника к ответу на поставленный вопрос, который при переносном значении конструкции может легко трансформироваться в побуждение к любому действию. Кроме того, перенос значения часто чреват экспрессией, а иногда и эмоциональностью в силу ещё и дополнительных коннотаций, — которые усиливаются и лексическим содержанием конструкции, т. е. налицо контаминация сем в одной синтаксической модели.

Л.А. Булаховский [Булаховский, с. 68 – 70] справедливо рассматривает перенос значений как «своеобразный семантический сдвиг», М. Шолохов же оптимально использует все функциональные условия такого сдвига значений вопросительных конструкций и блестяще реализует заложенные в данном типе предложений семантические и экспрессивные потенции.

Интересно, что в Шолоховских текстах вопросительные предложения включают в себя кроме содержательно-фактологической информации и содержательно-подтекстовую. «Содержательно-подтекстовая информация представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФИ приращивать смыслы» [Гальперин, с. 28].

Таковы у Шолохова широко распространённые в диалогах вопросительно-побудительные конструкции, осложнённые вводным словом «может», за которым в языке закреплена модальность неуверенности. В таких конструкциях это неуверенность в том, что адресат ваше приглашение или побуждение к действию примет.

Неуверенность же эта заложена в неравноправных отношениях коммуникантов в сфере психологической, социальной, семейной и др. Более высокое положение в нашем случае занимает адресат, и это становится ясным читателю из подтекстового значения реплики диалога, отражающей характер отношений персонажей. Таков, например, диалог Аксиньи и Степана, из подтекста которого читателю становится ясно, что Степан почти окончательно убедился в том, что его семейная жизнь с Аксиньей

уже невозможна. Он неуверенно спрашивает её: – *В Вёшках думаешь жить?*

– *Пока в Вёшках.*

– *Может, осталась бы при мне?* (Тих. Дон, 4, 1)

Просьба Степана высказана неуверенно, ибо любящий всегда оказывается психологически ниже в отношениях с нелюбящим его, что ярко отражено в подтексте реплики Степана.

Хозяйка, в доме которой остановился Григорий, чужой для неё человек, старается угодить ему, чем-то угостить: *Хозяйка, караулившая каждое движение Григория, предлагает: – «Может, молочка бы выпили?»* (Тих. Дон, 4, X).

Больной психологически выше здорового человека, что отражено в реплике-вопросе Ильиничны, обращённой к Наталье: *Плохо тебе? Может воды принести?* (Тих. Дон, 4, XX).

Иногда реплики с вводным словом может персонаж использует с иронической окраской. Так Григорий, которого не оставляет даже в трудной для него ситуации чувство юмора, на реплику конвоира, требующего чтобы арестованный быстрее шёл, отвечает: – *Может, побечь?* (Тих. Дон, 2, XXI).

Модели вопросительных отрицательных конструкций в значении побудительных М. Шолохов также использует тогда, когда отношения между собеседниками неравноправны, в силу разных причин психологических или материальных и просьба не может носить уверенного категорического характера. Таковы вопросительные предложения с отрицательной формой предиката. Часто они используются при выражении просьбы в собственных интересах адресанта, например:

Видя, что сказанное им возымело действие, повеселевший атаман спросил: «Твоей кобылкой нельзя ли попользоваться?» (4, XV).

Не совсем уверенную просьбу передают также вопросительные конструкции с глаголом-частицей давай формой глагола будущего времени 1-го лица множественного числа:

Степан, как видно, примирился с женой... В первый раз после разлада предложил: «Давай, Ксюша, заиграем песню?» (Тих. Дон, 2, III).

Все эти вопросительные предложения – форма выражения побуждения разной степени категоричности. Но автор чаще использует контактно-этикетные формы побуждения, смягчённый их характер одинаково допускает ответ *да* и *нет*, сохраняя самоуважение адресанта.

Все описанные формы побуждения в любом случае служат сохранению взаимоуважения и самоуважения собеседников, исключают конфликтные или предконфликтные ситуации.

С помощью вопросительных предложений часто раскрывается характер персонажа, его отношения с близкими. Так, по существу комедийный персонаж, дед Щукарь часто использует в таких предложениях просторечные, диалектные слова и обороты с экспрессивными, часто ругательными коннотациями, отражающими его равнодушно, но своеобразное отношение к окружающему миру: *Дед Щукарь поднял голову. Прямо*

на него шла старуха, нахмуренная, решительная... Откуда же она, окаянная, взялась? И за какой чумой её несёт нелёгкая? – говорит он о своей жене-старухе, используя частно-вопросительные предложения (Подн. цел. 2, XXII). А на собрании дед Щукарь говорит Макару:

Ты, Макарушка, всегда на трибуну лезешь, либо из презюдиума рассуждаешь <...> а почему же я должен с людьми разговаривать откуда-то из тёмного заду? (Подн. цел., 2, XXII).

Диалектные слова, обороты и формы слов оживляют речь персонажа, делая её живой, экспрессивной, раскрывая особенности его характера. При этом в одной реплике Щукаря автор использует переориентацию утвердительных вопросительных предложений в повествовательные, отрицательные (*я не должен разговаривать с людьми откуда-то*). Переносное обратное значение конструкции сообщает ей дополнительные экспрессивно-эмоциональные коннотации, в данном случае с авторской юмористической окраской.

Ещё пример, когда дед Щукарь горюет о якобы упавшем в колодезь козле Трофиме:

Ну, вот, Сёма, жаль моя, дождались мы новой беды, наш Трофим-то, не иначе – утон в колодезе <...> А теперь как мне без него жить? Вопросительное утвердительное предложение имеет полуиронический характер отрицательного повествовательного. Ср.: *Невозможно мне без него жить*. То есть многозначность вопросительного предложения, его обратный смысл в данном случае усиливает элемент комедийности в описании образа Щукаря.

Посредством вопросительных конструкций характеризует М. Шолохов в «Тихом Доне» Пантелея Прокофьевича. В семье он чувствует себя уверенно, в ней он главный человек, хозяин, что, естественно, отражается и в форме и содержании реплик, обращённых к кому-либо из домашних, в частности к жене: *Даже безмен Пантелей Прокофьевич брал с собой... – Так уж там и весов нету? – удивилась Ильинична. – А ты почём знаешь, какие там веса? – озлился Пантелей Прокофьевич.* (Тих. Дон, 7, XXV).

Ещё пример диалога Пантелея Прокофьевича с женой:

– *Он и поросёнок-то был одно горе.*

– *Ну чего ты, как градовая туча стоишь?* (Тих. Дон, 4, III).

Ср.: *Не стой, как туча!*

Возмущаясь выбором жениха дочерью, он говорит, употребляя устойчивое вопросительное предложение:

Замолчи, проклятая, сто чертей в душу! Слова не дадут сказать. Да что это такое? (7, X).

Иногда вместо вопросительного местоименного слова он употребляет диалектное *аль (или)*. Так, не зная, что Дарья больна заразной болезнью, недовольно спрашивает:

– *Тебе что, Дашка, аль гребостно с нами из одной чашки хлебать?*

Вопросительные предложения имеют в его реплике значение отрицательных с коннотациями запрета или осуждения поведения адресата. Это вполне художественно оправдано, так как он глава большой трудящей-

ся уважаемой в хуторе семьи, и сам пользуется уважением в силу огромного жизненного опыта и солидного возраста. При этом у него вопросительные предложения чаще всего сопровождаются вопросительными местоименными словами или носят устойчивый характер. Неуверенный, униженный тон в репликах Пантелея Прокофьевича невозможен.

Особые формы вопросительных конструкций служат в языке М.Шолохова для выражения предконфликтной тревожной ситуации. Это предложения, начинающиеся вопросительным словом *чего/что* в сочетании с местоимением или глаголом второго лица субъекта-адресата (в настоящем или будущем времени). В этом случае местоимение *что/чего* равно по значению вопросительным местоименным словам *зачем/почему*, а побуждение имеет смысл запрета. Само же утвердительное вопросительное предложение имеет обратный смысл – отрицательного:

Нагульнов отложил счёты – раскулачивать больше не пойду. Ну что глаза вылутил? (Подн. цел., 1, IX).

Ах ты, лихоманец вредный, ты на что это свинью объезжаешь? (Нахалёнок).

Подобные конструкции обычно используются персонажем в ситуациях, близких к экстремальным, когда человек чем-то возмущён, выражает свои эмоции, сопровождаются коннотациями негодования, возмущения, протеста, определёнными негативными эмоциями.

Конструкции, где слово *чего/что* осложнено и частицей *же*, близко по значению к вышеописанным предложениям, но со значением менее категорически выраженного запрета:

Офицер стоял молча, поглядел на чудовищно оголённые конские кострецы и, кивнув головой, сказал: – Что же ты горячему-то даёшь зерно? – В голосе его явственно сквозило смущение (Тих. Дон, 4, IV).

Негативная оценка реальной ситуации или содержания речи своего коммуниканта выражается в вопросительных предложениях с повтором части реплики:

– Давай же дадим им (лошадям. – Г. Г.) хоть трошки сапнуть. Я дальше не поеду! Слышишь?

– Толкай, толкай!

– До каких же пор толкать, пока копыта не откинут? (7, XX).

Так реагирует Прохор на требование Григория ехать быстро, без отдыха, возмущаясь его равнодушием к измученным долгой поездкой лошадям. Так же повторяет часть реплики Аксиньи Ильинична, возмущённая приходом её в семью умершей Натальи:

– А что же я плохого сделала? – всыхнув, спросила Аксинья.

– Как это что плохого? Да ты имеешь право касаться Натальиною дитя, ежели ты сама свела её в могилу? (4, XVI).

Ср.: *Не имела права касаться.*

Такой повтор Ильиничной части реплики Аксиньи свидетельствует о несогласии с ней, неуместности её возражений.

Часто вопросительные предложения с повтором и частицей *как* употребляют персонажи, возмущённые содержанием реплики собеседника.

Автор таким образом выражает психологическое состояние, недовольство, возмущение своего героя поведением, речью собеседника:

– *Ты чего паникуешь?*

– *Как это – чего?* – *возмутился старшина* (Они сражались за Родину).

– *Хлеб! – нету.*

– *Как нету?*

– *Никак говорит, гадюка, нету* (О Донпродкоме и злключениях заместителя продкомиссара тов. Птицына).

– *Ты, Мелихов, какой-то линиялый! – Как линиялый?* – *Григорий нахмурился* (Тих. Дон, 3, XIII).

Подобные возмущённые ответные реплики, выражающие оценочную эмоциональную реакцию второго собеседника, повторяя часть высказывания первого, начинаются, как правило, наречием-частицей *как*, в данном случае утратившей обстоятельственное значение.

Возмущение поведением собеседника или третьего лица выражается также вопросительным предложением с частицей *разве*:

– *Да разве ж это казацкое дело – казнителем быть, старух вешать, да детишков безвинных шапками рубать? Да разве они за Мишку своего ответчики?* (Тих. Дон, 7, XII).

Такое предложение имеет обратный, отрицательный смысл. Ср.: *Они за Мишку своего не ответчики* – значение отрицательного повествовательного.

В речи персонажей литературной частице *разве* может соответствовать диалектная частица *ништо*.

Так, характеризуя жениха Дуняшки, отец её говорит: – *Запёк ей душу висельник! Да ништо ж это человек? Да чтоб такой хриstopродавец был моим зятем?! (7, II).*

Ср.: *Это не человек, не может быть такой хриstopродавец моим зятем.*

Постановка восклицательного знака после вопросительного в данном случае свидетельствует об особой эмоциональности возмущённого выбором своей дочери отца, что прекрасно передано автором вопросительным по форме, но повествовательным с обратным смыслом предложением со словом *ништо*.

Такая трансформация семантики вопросительного предложения, превращение его в повествовательное отрицательное из утвердительного связаны с тем, что само вопросительное общемодалное значение содержит одновременно в своей семантической структуре и элемент утверждения и элемент отрицания – незнания того, существует ли означенный вопросом факт в реальной действительности (в связи с этим на любой общемодалный вопрос можно получить ответ *да* и *нет*: *Ходил ли мальчик в школу? – Да* или *Нет*).

Этот факт оптимально использует М. Шолохов в диалогах своих персонажей, делая их тем самым живыми, динамичными, создавая иллюзию разговорной речи.

Отрицательный, повествовательный характер вопросительного предложения в диалогах Шолохова обычно полностью раскрывается за счёт предшествующего или последующего контекста:

Надо скорее уходить отсюда. Какого антихриста здесь сидеть? <...>
– *Предложил однажды во время завтрака Чумаков* (Тих. Дон, 8, XII). Ср.: *Нечего здесь сидеть*. Отрицательное значение ясно из предыдущего предложения.

Отсутствие соответствующего контекста в силу многозначности вопросительных конструкций характеризуется двуплановостью их смысла. Таковы частно-вопросительные предложения, где вопрос под влиянием контекста в то же время может приобретать значение побуждения-запрета, осложнённого коннотациями отрицательной эмоциональной оценки. Так, Макар Нагульнов говорит Размётнову: – *Будет тебе, балабон! Куда направляешься? Сено надо свозить* (Подн. цел., 1, XI). Предложение-вопрос *Куда направляешься?* может выражать поиск информации о цели движения идущего навстречу Макару Размётнова, побуждение его к ответу на вопрос, но в силу содержания последующего предложения функционирует как побудительная конструкция с семантикой запрета, с отрицательной оценкой поведения собеседника. То есть вопросительное предложение с помощью контекста способно выражать эмоциональное состояние персонажа. Читатель за счёт контекста легко отличает прямое значение от переносного, часто сопровождаемого, кстати, в устной речи значительным погашением вопросительной интонации.

Отрицательный компонент значения вопросительного предложения иногда погашается и в смысле присутствия в нём формально выраженного отрицания. Так, Прохор возмущённо говорит:

– *Что же мне и перекусить нельзя перед дорогой?* Ср.: *Нужно мне перекусить перед дорогой*.

То есть происходит отрицание отрицанием за счёт значения вопросительного предложения.

Интересно, что в качестве вопросительных М. Шолохов часто использует нечленимые конструкции, не имеющие пропозитивного значения, но ярко выражающие эмоции персонажа, его оценки, недоумение, негодование по поводу каких-то ситуаций или содержания речи собеседника. Иногда они сопровождаются переспросом:

– *Какого года присяга?*
– *Тридцать девятого, сынок.*
– *Какого? Ась? – дед Гришака оттопыривал морщинистую раковину уха* (Тих. Дон, 1, XXIII).

Особенно часто такие вопросительные коммуникативы представлены в «Тихом Доне». Это или отдельные слова *Ну? Ой ли? Хо?*, выражающие удивление, недоверие к сказанному собеседником:

– *Я, Гриша, шататься, как ты, не буду.*
– *Хо? – обзлѐнно выдал Григорий* (3, 1).

Вопросительный диалектный коммуникатив *Хо* может передавать два значения: удивление и недовольство тем, о чём говорит собеседник. В приведённом примере выражено второе значение.

Устойчивое нечленимое всегда вопросительное сочетание *каков голос?* имеет также два значения. Как свидетельствует «Словарь языка Михаила Шолохова», оно употребляется в значении *каково?*, т. е. выражает удивление и значение *Что делается?*, т. е. значение осуждения, неприятия какого-либо факта. Во втором значении оно употреблено М. Шолоховым в Тихом Доне в речи деда Сашки, обращённой к Григорию:

– *Змею же ты грел! – вдруг резким фальцетом выкрикнул дед Сашка, нелепо топыря руки. – Гадюку прикормил! Она (Аксинья. – Г.Г.) с Евгением сваялась! Каков голос?* (Тих. Дон, 3, XXIV).

Иногда такие коммуникативы представлены целыми фразами: *Что же это? Да как же (это) так?* и т. п.

Что же это вы, братцы? – как-то растерянно и отчуждённо заговорил старик. Как же так? а у нас старики надеются. Да как же это так? (Тих. Дон, 3, XIV).

Иногда слово как, осложнённое частицей *же*, выражая несогласие, сожаление, в значительной степени сохраняет и обстоятельственную семантику наречия, например:

– *А как же сеять - то? Садилка будылья ить поломает? – спросил жадно, с открытым ртом слушающий Кондрат Майданников (Подн. цел., 1, XXI). Ср.: Невозможно сеять.*

Коннотации таких реплик с *как* в некоторых случаях близки к сарказму, ироничны или самоироничны. Вопросительные же предложения приобретают обратный смысл и активно используются персонажами М. Шолохова, чувство юмора не оставляет которых и в самые критические минуты их жизни. Так, старый казак вспоминает:

– *Один такой молодец <...> спрашивает: Ты чего, дед, гляделки вылупил? Хочешь тебе голову срублю? – Что ты, говорю, сынок? Бог с тобой! Срубишь голову мне, а тогда как же я хлеб буду жевать?* (Тих. Дон, 7, XI).

Вторая часть сложносочинённого предложения, вопросительная по форме, имеет повествовательное отрицательное значение. Ср.: *Не смогу я тогда хлеб жевать.*

Обратный отрицательный смысл имеют и реплики, начинающиеся сочетанием *какой (какая) же* и отрицающие положительную оценку какого-либо факта. Так, один из старых казаков возмущается жестокостью казачек по отношению к пленным, безоружным людям:

– *А нынче медалей бабам повешали... Да хучь бы было за что, а то так... Казаки пригнали в хутор, а они кольями побили безоружных людей. Какая же тут геройства?* (Тих. Дон, 7, XII).

Активное возмущение, протест против нежелательного поведения адресата (адресатов) иногда выражаются репликой в виде предложения, близкого по смыслу к устойчивому выражению:

И наконец, когда самые горлодёры малость поохрипли, Давыдов свирепно, необычно для него, заорал: – Кт-о-о так совещается, как вы? (Подн. цел., 1, XXI). Вопрос равен отрицательному повествовательному предложению. Ср.: *Никто так не совещается.* Однако переосмысление рождает совершенно новые коннотации негодования и возмущения поведением собравшихся людей.

Другой пример:

– Что вы мордуете нас? Мы (с хутора Ярского) в горячую пору забились за сорок вёрст, а вы государственный хлеб держите? (Подн. цел., 1, XXXIII).

Первая фраза, близкая к устойчивой разговорной, как и последняя имеет значение побуждения-запрета. Ср.: *Не мордуйте нас* (с обратным отрицательным смыслом). Иногда в качестве устойчивого оборота выступает часть вопросительной реплики:

– Понесли меня (Шукаря. – Г. Г.) крестить в Тубянский. Мыслимое ли дело дитя в купелью окунать по такому холоду? (Подн. цел., 1, XXXI). Мыслимое ли дело равнозначно литературному в повествовательном предложении – *невозможно, нельзя*, и в силу этого вся вопросительная конструкция выражает не столько вопрос, сколько возмущение тем фактом, который изложен в реплике диалога.

Таким образом, М. Шолохов регулярно использует в репликах своих персонажей вопросительные конструкции, их многозначность, свойственную им информативную ёмкость, заряд экспрессии, возникающий в них при переосмыслении. В его произведениях они служат для передачи не только текстовой, но и подтекстовой информации, отражая в зависимости от присутствия в них частиц, вводных слов, отношения между коммуникантами, раскрывая характер персонажей, а также их психологический настрой, их оценки фактов, чаще всего отрицательные, свидетельствующие о глубоко равнодушном отношении к объективному миру, происходящим событиям, окружающим людям.

Выразительность таких предложений у М. Шолохова усиливается за счёт лексического содержания, просторечных и диалектных слов, фразеологических оборотов.

Такие конструкции помогают автору, талантливому художнику, отразить неиссякаемый юмор его земляков, казаков-станичников, их эмоциональность и в то же время известную деликатность в отношениях друг с другом, а также их способность к сопереживанию, их человеческое достоинство, оптимизм, мужество, любовь к труду, родной природе.

Кроме того, сложность семантики вопросительных по форме предложений, их коннотации ведут к экономии речевых усилий в силу их потенциальных возможностей выражать мысли и чувства употребляющих их персонажей.

Соглашаясь с утверждением, высказанным А.В. Степановым «о хорошем начале шолоховского текста» [Степанов, с. 73], всё-таки надо отметить умение автора индивидуализировать диалогическую речь своих ге-

роев, в частности и за счёт оптимального использования прагматических возможностей вопросительных предложений.

Думается, что дальнейшее исследование реализации потенциалов семантико-синтаксических конструкций в языке произведений М. Шолохова позволит ярче представить языковую картину мира замечательного писателя.

Литература

Булаховский Л. А. Энантисемия. Развитие противоположных значений // Русская речь. 1988. №2.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования, М., 1981. 286 с.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. Языки славянской культуры. М., 2006. 671 с.

Словарь языка Михаила Шолохова / гл. редактор Е.И. Диброва. М., 2005.

Степанов А. В. Стиль Михаила Шолохова // Русский язык в школе. 2000. № 2.

Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1986.